

На переломе

**Образ России
прошлой
и современной**

**в культуре,
литературе
Европы
и Америки**

(конец XX — начало XXI вв.)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М. Горького

НА ПЕРЕЛОМЕ:

**Образ России
прошлой и современной в
культуре, литературе Европы и Америки
(конец XX – начало XXI вв.)**

Москва
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
2011

УДК 94 47).084.8"19/20"

ББК 63.3(2)6

Н12

Труд создан при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда.
Проект 06-04-00547а, 2006-2008 гг.

Издано при финансовой поддержке Федерального
агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках
федеральной целевой программы «Культура России»

Ответственный редактор:

дфн, проф. В.Б. Земсков

Ученый секретарь:

дфн Т.В. Кудрявцева

Рецензенты:

дфн, проф. А.П. Саруханян

дфн В.Н. Терехина

Н12   На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.)

/ отв. ред. В. Б. Земсков. – М. : Новый хронограф, 2011. – 696 с.

ISBN 978-5-94881-152-9

И. Земсков, В. Б., ред.

Коллективный труд «На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX — начало XXI вв.)» впервые в таком масштабе обращается к изучению имагологической рецепции и репрезентации России на новейшем «переломном» этапе перехода от советского — к пост-советскому обществу, с особенностями сложного пути к демократическому и открытому обществу. Образ современной России (в соотнесении с прошлым) изучается на материале культуры, литературы таких стран, как Германия, Франция, Англия, США, Польша, Сербия, Канада, страны Латинской Америки.

© Коллектив авторов, 2011

ISBN 978-5-94881-152-9

© Издательство «Новый хронограф», 2011

О.Ю. Панова

ОБРАЗ РОССИИ В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Первые контакты. Россия в отчетах американских путешественников и деятелей политики и культуры в XVIII веке. Формирование стереотипов.

В конце 1775 г. Томас Пейн, составив свой знаменитый памфлет «Здравый смысл» (*Common Sense*, 1776) размышлял о тех странах, с которыми предстоит выстраивать отношения будущему американскому государству. При этом Россия, по его мнению, совершенно не важна для Америки. С точки зрения Т. Пейна, Россия, не будучи морской державой, играет незначительную роль в международных делах и ничем не может быть полезна молодой американской республике: «Обширная Российская империя практически отрезана от морского побережья; поэтому ее бескрайние леса, деготь, железо и канаты – единственное, чем она может торговать с другими странами»¹.

Взгляд Пейна в общем адекватно отражает представления американских колонистов. Долгое время американцы не чувствовали потребности установить контакты с Россией. Для них это была неведомая и удаленная страна – гораздо в большей степени, чем для европейцев². «Не принадлежа к культуре Западной Европы, Россия в глазах американцев не была тем фактором, который влиял на формирование образа Старого Света»³. Американцы воспринимали Рос-

¹ Пейн Т. *Избранные сочинения*. М., 1959.

² См. напр. Stone C. *The American Image of the Old World*. N.Y., 1963.

³ *The American Image of Russia, 1775–1917*. Ed. E.Anschel. N.Y., Frederick

он убежден, что полет в космос – неизбежная ступень в развитии социалистического общества: наверное, только в космосе возможно создание настоящего коммунистического общества, свободного от земных несовершенств и компромиссов.

Тайну «загадочной русской души» Кен Калфус пытается раскрыть в сказке-притче «Соль», где рассказывается о том, как Иван торговал солью с неким царством-государством, но любая плата казалась ему унижительной. Его одолевают «разные мысли»: «В чем ценность золота? Оно вещь глупая и бесполезная... Вся его ценность только в том и состоит, что мы договорились считать золото ценным. Это всего лишь эфемерная мода... Золото – это те же деньги. А деньги – это хитрая механика, придуманная иностранцами и свержен» (с. 177). Не согласен он и жениться на принцессе – женская красота тоже вещь «эфемерная» и скоротечная. Ощущая себя обиженным, Иван каждый раз совершает все более опустошительные набеги на «благодетельствованное им» царство-государство» (цивилизированный мир).

Как выясняется, свойства русской души, которые считались возвышенными, свидетельствующими об особой духовной глубине – непрактичность, склонность к философствованию, жажда справедливости – вовсе не являются таковыми. «Русская душа» есть вредоносное, разрушительное начало, несущее угрозу благоустроенному, цивилизованному западному миру порядка и комфорта.

Девяностые годы стали предметом изображения в книге А. Дж. Перри «Двенадцать рассказов о России. Что-то вроде романа», вышедшей в издательстве «Глас» в 2002 г.¹ Название книги многозначно: это не только «двенадцать историй», но и «двенадцать этажей» – герой живет в Москве в квартире на двенадцатом этаже. Впечатления эксцентричного молодого американца, приехавшего в 1991 году в Россию чтобы преподавать английский язык, написаны с опорой на традиции абсурдистского юмора: это и английский нонсенс, и Даниил Хармс, имя которого часто фигурирует в романе, и Венедикт Ерофеев, с которым Перри сравнивает А. Генис в кратком рекламном тексте на обложке. Книга шестая в романе Перри построена по образцу книги Ерофеева «Москва-Петушки»: герой едет в метро от Выхино до Войковской с пересадкой на Пушкинской, и от станции до станции

¹ *Perry A.J. Twelve Stories of Russia: a Novel, I Guess. M.: Glas, 2002.* Далее все цитаты приводятся по этому изданию.

большие отрезки его московской жизни проходят перед его глазами. Кроме того, в тексте постоянно появляется имя Толстого (на протяжении всей своей «русской эпопеи» герой читает «Анну Каренину») и Пушкин (о котором особенно любят говорить его русские собеседники). Искренняя симпатия к России, любовь к русским друзьям, стремление разобраться в русских головоломках сочетается у Перри с убежденностью в том, что различия двух разных культур не могут быть преодолены, да это, в сущности, и не нужно: ведь именно инаковость создает разнообразие и богатство.

Отправляясь в Москву, незадачливый американец Джеймс мечтает отыскать «одинадцать желтых слов» – самых главных, которые помогут ему постичь загадочную русскую душу. Познать язык – значит, познать душу народа. Много в русском языке, который он постепенно выучивает, остается ему непонятным – точно так же, как он никак не может объяснить своим русским ученикам правила английской и грамматики. В споре с русскими американец говорит, что русские не умеют веселиться – *have fun*, но собеседник парирует: «Зато у вас, американцев, нет души» (с. 217). Последним убийственным аргументом становится неоспоримое преимущество русских ругательств.

Наивный американский гость постепенно приобщается к русской жизни: учится стоять в очередях, пить водку, сидя на кухне, вести долгие русские разговоры. Джеймс сталкивается и с жестоким русским абсурдом: это и четырехчасовое стояние в очереди за картошкой, которая при этом ему совсем не нужна; это и целая одиссея, которую пришлось пережить незадачливому путешественнику при первом выезде из России на родину: герой оказывается в милиции аэропорта «Шереметьево», его сажают в «обезьянник». Однако жестокость и кафкианская непостижимость российской бюрократии компенсируются «человеческим фактором» – сочувствием и взаимовыручкой, которые царят в отношениях между людьми.

Постепенно чтение Даниила Хармса и накопившийся опыт «русской жизни» приводят к внутренним изменениям: Джеймс все меньше похож на американца и все больше напоминает русского. Быт его становится все беспорядочней, он теряет работу, живет почти без денег, чистит зубы не каждый день, а когда его «берет тоска», может целыми днями лежать на диване, ничего не делая. Однако он сохраняет решимость идти до конца, в надежде открыть тайну русского сфинкса. Познание России он сравнивает с освоением русского алфавита: «К счастью алфавит не состоит из частей, он имеет смысл только как

единое целое. Важно, что буквы идут друг за другом в определенном порядке. И вот ты начинаешь с А и постепенно движешься вперед, и если ты не позволишь сбить себя с толку, то рано или поздно доберешься до Я» (С. 44). Перри остроумно замечает, что вначале русский алфавит похож на английский, но потом начинаются все более странные и причудливые буквы (Ч, Ш, Ц, Ы) – чем ближе к концу, тем труднее. Но главное – идти вперед, и решимость будет вознаграждена.

Иначе говоря, главное – это «гештальт», умение воспринять Россию как целое. Россия – удивительная страна, где не работает аналитический подход: ее можно любить (принимать) или ненавидеть (отвергать), но не усваивать по частям, не сортировать: это мне нравится, а вот это – нет. Только в конце русской одиссеи у него возникает «гештальт» – однако главная тайна России так и остается неразгаданной.

Прожив вместе со «своей Россией» семь лет (1991–1998) Джеймс готовится покинуть страну, где он стал почти «своим». Перед отъездом он внимательно рассматривает в метро людей и думает, что все они и каждый в отдельности и составляют Россию – «его Россию», которую он успел если не узнать, то по-своему принять и полюбить.

Джеймс задается гоголевским вопросом о будущем России: «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа». Он так и не отыскал самое загадочное «одиннадцатое желтое слово». Зато теперь у него есть «двенадцатое слово» вмещающее в себя все предыдущие. Это слово «Россия», сумма его знаний и опыта, итог семи лет, проведенных в Москве.

* * *

Образ России в американском культурном воображаемом – явление сложное и динамичное. Этот образ многослоен: складываясь на протяжении трех веков, он содержит различные составляющие, восходящие к разным эпохам. Важную роль в его кристаллизации сыграли ряд стереотипов и топосов – как заимствованных из других культур, так и выработанных в культуре США. Первые стереотипы и топосы возникают еще в XVII веке и связаны с образом «экзотического другого» и «другого-чужого». Это также важные стереотипы, как «варварство», «Востока», «деспотия». Период дружественных отношений, пришедшийся на первые две трети XIX века, принес новую тонку – Россия как страна высокой культуры, русские как европейцы, актуализируется стереотип «русской (славянской) души», ставший собира-